

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ АНТИДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР ПОЗИТИВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ¹

А. В. Гребенкин

Целью статьи является обзор теоретических представлений о роли доверия в современных социально-экономических системах и обсуждение идей о предпосылках построения элементов институционального механизма взаимодействия гражданского общества и властных структур. В качестве основной гипотезы высказывается мнение и обрисовываются контуры механизма институционального антидоверия как способа постоянного наблюдения, оценки и критики со стороны гражданского общества действий органов государственной и муниципальной власти с целью обеспечить условия эффективного социально-экономического развития. Для успешного перехода российского общественного уклада, попавшего в ловушку самоужесточающегося авторитарного режима, на демократический путь развития предлагаемый институт антидоверия обезопасит экономическую систему от спонтанных и резких переходов от доверия к недоверию и обратно. Институционализированное антидоверие — это мультисубъектный, распределенный, постоянный, дополнительный элемент демократической системы, который может придать ей стрессоустойчивость и обеспечить эффективность деятельности государственных структур и муниципальных структур. Институт антидоверия может стать креативным элементом в системе других политико-экономических институтов, направленным в итоге на преодоление глубокого социального кризиса, в который попала современная Россия. Дискуссионными вопросами статьи остаются (но в то же время служат индикаторами важности тематики последующих поисков молодых исследователей) задачи измерения динамики антидоверия, структурирования института и его взаимодействия с общим процессом моделирования инклюзивных экономических и политических институтов

---

¹ Статья подготовлена в соответствии с планом НИР ИЭ УрО РАН «Разработка и обоснование теоретической концепции мультисубъектной промышленной политики на основе резонансных эффектов в условиях новой индустриализации» № 0404–2015–0014 в ИСГЗ ФАНО.

Автор благодарит к. э. н., доцента М. Маркова за высказанные ценные замечания и советы по поиску профильных зарубежных публикаций, а также д. м. н., профессора П. Сарапульцева за конструктивную критику основных идей статьи. Автор также признателен анонимным рецензентам за поддержку, конструктивную критику и ценные замечания.

будущенго демократического устройства страны и ее регионов. К обсуждению предлагаемых идей автор приглашает как суровых критиков, так и заинтересованных молодых исследователей.

Ключевые слова: институты; доверие в экономике и политике; демократическое устройство; гражданское общество; антидоверие; элементы института антидоверия; политико-экономический кризис.

«Проблемы, которые возникают перед нами в процессе перехода от системы убеждений, созданной для работы с физической средой, к системе, создаваемой для работы со сложной социальной средой, находятся в центре проблем экономического развития»
Дуглас Норт

1. Введение. Доверие к государству как положительный фактор

Проблема доверия в экономике и политике заслуженно занимает одно из центральных мест как в теоретическом анализе, так и в задачах практических, если учесть, что «Россия, как и многие другие страны, переживает острый кризис доверия» [57, с.18]. Д. Сорокин утверждает, что «обязательным условием успеха экономических реформ является не только их научная обоснованность, но и общественное доверие к проводникам этих реформ» [47, с. 133]. Важность доверия к властным структурам подчеркивают А. Татаркин, С. Важенин, В. Сухих [9; 11; 51; 54], В. Дементьев [21], Р. Доброхотов [22] и другие исследователи. Т. Артемова пишет об экономике доверия как прообразе «институциональной архитектоники» [3], а А. Мальцева просто ратует за «полноценное доверие к власти». Следуя Э. Гидденсу, который выделял два вида доверия: доверие персонифицированное, т. е. к конкретному лицу, и доверие к абстрактным системам (см.: [25]), мы претендуем на анализ доверия/недоверия лишь к экономическим, социальным и политическим институтам, в том числе структурам власти. Такой подход вполне вписывается в систему институционального анализа [12; 33; 34; 49; 59; 61], оставляя социо-гуманитарные свойства доверия психологам, культурологам, адептам подразумеваемого знания и неосязаемых активов [7; 26; 32; 39; 41].

Феномен доверия в качестве иррационального фактора рассматривается в работах Дж. Акерлофа и Р. Шиллера [1], А. Селигмена [46], В. Сургуладзе [48], В. Гришина [20], Е. Орловой [39], Дж. Хоскинга [75]. Его значение в социальной сфере исследуют Ф. Фукуяма [60], П. Штомпка [66; 67], В. Штроо и М. Балакшин [68], И. Шорина [65] и другие. В рамках социального капитала (страны, предприятия, экономической системы) о доверии пишут Ф. Власов и А. Стебаков [16], Б. Ерзнкян [24], Г. Заболотная [25], В. Минина [32], А. Олейник [37], А. Погребняк и Д. Расков [41]. Особое зна-

чение феномен доверия имеет в экономике: об этом пишут М. Балакшин [4], А. Белянин и В. Зинченко [6], Х. Харчилава [62] и многие другие зарубежные и отечественные исследователи. К сожалению, гораздо меньше публикаций о результатах анализа влияния доверия на экономическую динамику. Из таких работ можно выделить следующие. О. Динцер и Е. Усланер в статье «Доверие и экономический рост» установили на основе эконометрического исследования в разрезе штатов США наличие положительной связи между уровнем доверия и темпами экономического роста: рост доверия на 10 % приводит к увеличению темпов экономического роста на 0,5 % (уровень доверия определялся на основе социологических опросов) [74]. М. Райсер, А. Руссо, Ф. Стевес и У. Тексоз в статье «Доверие в переходной экономике: межстрановое исследование фирм» на основе изучения данных по 26 странам с переходной экономикой (доверие определялось с учетом того, в какой степени поставщики требуют предоплату или, напротив, отпускают товары в кредит) пришли к выводу, что доверие бизнесменов выше в тех случаях, когда оно подкрепляется эффективной работой правовой системы [76]. К. Бьернсков [71] и он же в соавторстве с Г. Свендсен пришли к выводу, что борьба с коррупцией эффективнее в тех странах, где существует высокий уровень социального доверия, а последнее укрепляет в свою очередь три параметра, необходимые для сохранения государства всеобщего благосостояния: высокий уровень политического доверия, сильные правовые институты, защищающие права частной собственности, а также низкий уровень коррупции [72]. Найдена также публикация, где показана связь уровня доверия с размером страны [70].

Следует отметить, что показанные выше оценки получены в результате сравнительного анализа, исходя из предположения, что фактор доверия «имеет значение» и тут присутствует. А как же с попытками прямого измерения? Наиболее известные энтузиасты этого начинания — Дж. Акерлоф и Р. Шиллер, поставившие

доверие на первое место среди многих проявлений иррационального начала и того влияния, которое они оказывают на экономику [1, с. 28]. Предлагаемый ими «мультипликатор доверия» показывает, «как увеличивается или сокращается доход, когда уровень доверия растет или падает на один пункт — осталось лишь определить, что это за пункт» [1, с. 39]. Действительно, дело за малым: всего-то надо измерить значимость доверия по какой-то шкале. Эту «простенькую» задачу авторы оставили следующим поколениям исследователей иррациональных факторов в экономике. А сегодня эта недосказанность (и, с большой долей вероятности, принципиальная невозможность) вызывает жесткую критику. Так, Е. Попов и О. Сухарев полагают, что «введение мультипликатора доверия не дает новой теории макроэкономики» [43, с. 131] и в целом эту идею отвергают как несостоятельную, с чем мы вполне солидарны.

Одно дело — косвенное измерение, через сравнительные характеристики, подкрепленные экспертным опросом, другое — прямое включение непредсказуемого иррационального параметра «доверие» в строгую математическую модель: результат такого «моделирования» равноценен гаданию на кофейной гуще. И тем не менее с удивлением обнаруживаешь такую модельную конструкцию в российском учебнике [55], где в формуле Е. Ярдени [79] доверие представлено в виде некой экспертной оценки¹.

Таким образом, прямое измерение фактора доверия весьма затруднительно, если не сказать невозможно, в первую очередь из-за неустойчивости и «хрупкости» этого феномена. С. Важенин и В. Сухих отмечают, что доверие иррационально и изменчиво, не фиксируется, крайне сложно передается, при этом легко исчезает [11, с. 8]. К тому же следует отметить, что доверие так или иначе уже попало в число факторов различных моделей экономических расчетов и прежде всего в оценку рисков: если инвестор не доверяет (корпорации, фонду, государственному институту), то он закладывает в расчет ожидаемого дохода больший риск, чем

в противоположном случае. Поэтому более содержательным нам представляется исследование взаимосвязей в паре «риск/недоверие», чем попытки искусственно встраивать столь иррациональный фактор в модели микро- и макроэкономического анализа.

Другая причина невозможности прямого моделирования доверия лежит в области психологии: А. Белянин и В. Зинченко полагают, что исследование роли чувства доверия в экономике должно начинаться «с механизма трансформации или передачи внутренней реальности живого, мыслящего индивида в вещные носители этого чувства — поступки, события и действия» [6, с. 68]. Более того, в противовес множеству призывов к созданию механизма роста доверия [27; 29; 47; 65] авторы предупреждают, что «для формирования чувства доверия не существует алгоритмов. Каждый раз все по-новому, все неповторимо, все индивидуально...» [6, с. 52–53]. Как отмечает Дж. Ходжсон, «...доверие недоказуемо и невычислимо... Как только мы начинаем требовать, чтобы доверие было измерено, оно тут же от нас ускользает» [63, с. 246].

Заканчивая обсуждение вопроса собственно доверия, необходимо отметить, что этот феномен следует рассматривать сквозь призму общественного устройства той страны, в которой эта тема изучается. В демократических режимах доверие в совокупности с другими социальными и культурными атрибутами служит базой экономического развития, инновационного успеха страны и роста доходов граждан. Другое дело — авторитарные и тем более тоталитарные режимы. А. Тихомиров утверждает, что в СССР в период до 1941 года захват монополии на «распределение и дозирование доверия и недоверия позволил государству и партии сформировать особый режим принудительного доверия» [56, с. 99]. Именно принудительное доверие в советский период стало заменой (и подменой) традиционного доверия, изучаемого и по сей день либо без учета реалий общественного устройства, либо только применительно к состоявшимся демократиям. Кроме того, как указывает Й. Горлицкий, в сталинской системе «доверие было вытеснено на периферию, в то время как недоверие, покоящееся на всеобщем страхе и подозрительности, доминировало повсюду» [18, с. 139].

Историческая искаженность доверия требует особого отношения к этому феномену, понимания связи иррациональных факторов с политическим фоном. Так, Дж. Хоскинг подчеркивает, что «тотальное доверие граждан

¹ Вид модели Е. Yardeni (в изложении Т. Тепловой [55]): $P/E = 1/(CBY - b \times LTEG)$, где P/E — справедливое значение мультипликатора цена/прибыль; CBY (currency bond yield) — текущая доходность облигации с рейтингом А. Этот параметр отражает премию за дефолт для государственных облигаций; b — степень доверия, показываемая рынком прогнозу роста прибыли и рыночного индекса (рекомендуется от 0,1 до 0,25 — но на каком основании?). $LTEG$ (long term earning growth) — прогнозируемый темп роста прибыли по фондовому индексу в пятилетнем периоде.

к государству столь же опасно, как и полнейшее недоверие к нему» [57, с. 15]. Солидарные с ним С. Важенин и В. Сухих считают, что один из институтов, «требующих ликвидации в ходе созидательного разрушения, — это излишнее доверие к государству» [10, с. 33]. Вряд ли «излишнее доверие» следует называть институтом, скорее это результат государственной пропаганды и остатки патерналистского менталитета российского народонаселения. Важно то, что играя «на одной стороне весов», увлекаясь заботой о доверии к властным структурам, можно уничтожить ростки нормального демократического государства, воссоздать автократию и даже диктатуру со всеми вытекающими печальными для социально-экономического развития страны последствиями.

Доверие к властным институтам формируется не призывами к «полноценному доверию» [29], а экономическими реформами, в том числе созданием устойчивого режима безличностного обмена в рамках «порядков открытого доступа» [34, с. 208], то есть эффективно функционирующего и развивающегося демократического устройства общества.

2. Недоверие и его роль в социально-экономических и политических системах

Термин «институциональное недоверие», согласно ремарке Й. Горлицкого [18], предложил в 1998 году Д. Брейтвейт [73]. Феномен «недоверия» не следует считать антитезой «доверию». «Приставка «недо» — это еще не полное отсутствие, — пишут А. Белянин и В. Зинченко. — Как недостаток — это не отсутствие достатка, так и недоверие — не полное отсутствие веры, но скорее ее несовершенный, несбывшийся вид» [6, с. 12]. На эту асимметрию в понятиях указывают Й. Горлицкий [18, с. 138] и А. Тихомиров: «Недоверие не является лишь антонимом доверия, но обладает рядом как схожих, так и отличных от него качеств» [56, с. 101]. По мнению Дж. Хоскинга [64], понятия доверия и недоверия должны быть в центре проблем экономики. Он полагает, что нынешний экономический кризис «породили одновременно неуместное доверие и злоупотребление доверием».

На феномен недоверия в контексте постсоветского общества обратил внимание уральский ученый С. Вершинин: «Недоверие может анализироваться как самостоятельная константа социальной жизни и истории, а не только как отклонение от ситуации доверия» [13, с. 71]. Более того, автор считает, что «сами культурно-исторические формы и способы

доверия могут быть поняты адекватно через исследование ситуации недоверия» [13, с. 61]. Развивая свои идеи 2001 года, С. Вершинин делает вывод, что «недоверие выступает на первый план в периоды революционных изменений и глубоких социальных кризисов. В такие периоды оно получает культурную легитимацию, становясь экономически и политически эффективным» [14, с. 74]. Трудно согласиться с таким выводом, так как получается, что в периоды «стабильности» и относительного спокойствия недоверие нелегитимно? Вся история эволюции демократических форм правления показывает, что недоверие в виде гражданского контроля закладывалось в правовую систему: об этом очерки американских федералистов [2], на эту тему писал В. Остром [40].

Следует отметить, что феномен недоверия играет заметную роль не только в отношениях граждан с государством, но и в горизонтальных сетях — при деловых транзакциях. Эта мысль подчеркивается Ю. Веселовым, заметившим, что контракт в экономических связях служит институционализированной формой недоверия: «этот парадокс институционализированного недоверия современности проявляется также и в политических отношениях — демократия основана на разделении исполнительной и законодательной власти, на независимом контроле государственной власти обществом» [15, с. 8]. Он считает, вполне справедливо, что «институционализированное недоверие является базой воспроизводства общего доверия к власти. Наоборот, в тоталитарных режимах институционализировано доверие (лояльность власти), но в реальности граждане не доверяют такой власти» (там же).

Итак, учитывая самостоятельное значение терминов доверие и недоверие, покажем их сравнительные характеристики (см. табл. 1).

Обоснованию феномена политического недоверия как позитивного фактора, а гражданского недоверия к власти — как основной предпосылки политического развития уделяет особое внимание А. Оболонский [35; 36]. Он пишет, что идеология конституционализма, разделения властей выросла именно на презумпции недоверия к неограниченной власти и привела в современных обществах к доверию ограниченному, условному, основанному на контроле и информированности [36, с. 35]. В западной политической мысли особое место в исследовании проблемы недоверия занимает П. Розанваллон [77]; введенное им понятие «контрдемократия» служит цели

Значения и сравнительные характеристики терминов доверие и недоверие

Доверие	Недоверие
Расплывчатое, аморфное, неструктурируемое понятие	Вполне структурируемое и измеримое понятие
Неустойчивое, «хрупкое» по своим свойствам	Устойчивое, «антихрупкое»
«Низкое доверие» — абсурд, аналог «недоверия»	«Низкое недоверие» — всего лишь признак неразвитого гражданского общества
В крайнем проявлении («высокое доверие») — опасный признак перехода к полной лояльности к властным институтам и персоналиям	В крайнем проявлении («сильное недоверие») — триггер смены власти (в рамках выборных процедур) или реформирования отдельного института
Пассивное отношение, статичность, отсутствие цели изменения ситуации	Активное отношение, динамика процессов с целью изменения (улучшения) ситуации
Объект доверия условно-конкретен (в отличие от веры)	Объект артикулированно конкретен
Высокая неопределенность, искаженная информация	Ситуация под контролем, имеется информация о причинах недоверия
В целом несистемный характер	Наличие системности, знание целей, функций, задач и способов действий

«осмыслить проявления недоверия в качестве *составных элементов политической системы*» [44, с. 14]. Более того, под новым понятием П. Розанваллон подразумевает особую разновидность демократии — «демократию косвенной власти, рассеянной в социуме, — иначе говоря, устойчивую демократию недоверия, которая дополняет эпизодическую демократию привычной электорально-представительной системы» [44, с. 16]. В избирательной политике, пишет по тому же поводу Н. Урбинати, необходимо «создать здоровое ощущение недоверия и сомнения, дистанции между гражданами и институтами или политическими деятелями» [58, с. 363].

Таким образом, выясняется, что движущей силой построения демократических институтов в истории цивилизации было вовсе не доверие, а его кажущийся антипод — *недоверие*. Конечно, так прямо про недоверие нигде не сказано, этот феномен подразумевается, он замаскирован более благозвучным термином — контролем¹. В основе контроля — скрытое недоверие, и это реальность. П. Розанваллон применяет термин «надзор» и выделяет три его способа: *бдительность, обличение и оценка* [44, с. 20].

¹ Весьма интересна и плодотворна идея А. Ляско о дополнении и замещении доверия контролем. Правда, это исследование касалось только неформальных монетарных отношений (на примере микрокредитования в развивающихся странах) [28]. Будущим исследователям феномена институционального недоверия эту гипотезу вполне можно развить и протестировать применительно к более сложным системам — формирующимся политико-экономическим институтам общественного устройства открытого доступа.

Взаимосвязь уровней недоверия и экономической динамики установить довольно сложно, хотя такой анализ мог бы помочь не только в раскрытии новых аспектов экономических изменений, но и определить важные функции будущих механизмов активизации иррациональных факторов. Сошлемся на некоторые исследования в этой сфере. Б. Стевенсон и Дж. Волфер установили прямую связь уровня недоверия граждан США к общественным институтам своей страны (правительству, судам, а также к секторам финансов и крупного бизнеса) с экономическими кризисами [78]. Отрицательная корреляция установлена между государственным регулированием и доверием [69]. Объясняется это тем, что наличие недоверия вызывает общественный спрос на регулирование, а последнее, в свою очередь, препятствует формированию доверия. Баланс доверие/недоверие становится в этом случае очень хрупким и чувствительным к разного рода рискам.

Чрезвычайная хрупкость современного мира во всех его проявлениях — социальных, экономических, экологических — как объективное следствие увеличения неопределенности во всем, растущего напора случайных событий («черных лебедей») [52] подвигла Н. Талеба предложить концепцию «антихрупкости» [53], основанную на активизации свойств системы, позволяющих ей справиться с неопределенностью, стрессовыми событиями, выйти из кризисной ситуации окрепшей, усилившей свои возможности и потенциал развития. Институты, механизмы и способы поддержания недоверия могут, по нашему мнению,

стать важными элементами «антихрупкой», резистентной и эффективной системы общественного устройства¹.

3. Антидоверие и условия его институционализации

П. Флоренский заметил 100 лет назад, что «всякая наука — система терминов» (цит. по: [19, с. 230]), стремиться надо к адекватности явления и понятий, его описывающих. Это относится и к тем явлениям, которые скрыты за феноменом недоверия. Как отмечает С. Вершинин, традиционно «недоверие рассматривается как следствие несостоявшегося доверия, т. е. исключительно как негативный фактор» [13, с. 58]. Чтобы исключить отрицательную коннотацию этого понятия, уйти от излишней неопределенности термина «недоверие», мы предлагаем использовать аналог, позволяющий избавиться от «недостачи веры» и прочих субъективных толкований, — «антидоверие». Приведем сравнительную характеристику этих терминов (табл. 2).

В публикациях отечественных ученых много призывов к формированию доверия как важного фактора успешного экономического развития (что, впрочем, не вызывает сомнений). В. Минина рассматривает доверие как явление, формирующееся «шаг за шагом в результате взаимодействия и является реципрокным² (создающим фундамент для эффективных отношений на основе обмена с отложенной от-

дачей)» [32, с. 121]. В. Сухих видит программу усиления доверия к государству как четырех-этапную дорожную карту, включающую: 1) комплексную программу развития страны в рамках миссии взаимовыгодного будущего; 2) поддержку доверия к партнерам-предпринимателям; 3) стимулирование государством развития инфраструктуры бизнеса; 4) борьбу с коррупцией [51]. Р. Локке предлагает три этапа формирования доверия: 1) выявление заинтересованности; 2) активизация роли правительства; 3) развитие механизмов самоуправления и контроля [27]. Р. Локке отмечает такой недостаток в обсуждении проблем доверия, как статичность, т. е. неявное предположение, что предпосылки доверия «зафиксированы во времени и пространстве» [27, с. 7]. Ошибочным считает автор и механистичный подход, т. е. рассмотрение предпосылок доверия как однородных двоичных переменных (да/нет); вместо этого он предлагает динамичный подход, в логику которого вписывается утверждение О. Сухарева, что «доверие формируется в ходе кропотливых усилий и связано с последовательными, подтверждаемыми фактически действиями, которые приносят удовлетворение и связаны с ожидаемым результатом» [50, с. 7].

Не останавливаясь на критике вышеуказанных и других «прожектов» укрепления доверия, обратим внимание на их общий коренной недостаток: полное игнорирование той социально-экономической и политической реальности, в рамках которой эти советы озвучиваются. А реальность эту К. Микульский описывает так: «Россия во второй раз за последние 100 лет избрала общественную систему, заводящую ее в исторический тупик» [31, с. 4–5], и далее: «...существующая общественная си-

¹ Аналог «антихрупкости» в виде резистентной каскадной системы рассмотрен нами ранее в связи анализом влияния времени на экономические изменения [19].

² Реципрокный (от лат. *reciprocus*) — возвращающийся, обратный, отражающийся, взаимный, движущийся туда и обратно.

Таблица 2

Сравнительные характеристики терминов

Недоверие	Антидоверие
Излишняя категоричность и жесткость оценки	Мягкость, остраненность, относительность
Отрицательный оттенок, смысловой «отказ» в доверии	Нейтральный оттенок, по смыслу предполагает вариативность отношений
Дихотомическое линейное отношение (по типу да/нет)	Множественность, мультифакторность
Ограниченно операционный	Нет ограничений по применению
Провоцирует переход к доверию как форме лояльности к режиму	Стимулирует поиск форм и методов конструктивной критики и контроля деятельности институтов власти
Неустойчивость, неспособность стать постоянно действующим фактором	Постоянно действующий, самоорганизующийся фактор
Воспринимается как нежелательное явление, временное и преходящее	В качестве института воспринимается как необходимый атрибут демократического общественного устройства

стема движется к своему банкротству, и те или иные социальные маневры власти могут лишь отдалить его» [там же, с. 6], но, заметим, не спасти от краха [38]. Говоря о современной России, А. Оболонский утверждает, что «нужно преобразование нынешнего архаичного, по сути чиновничье-полицейского государства с его квазидемократическим фасадом в государство современного типа» [8, с. 47]. И. Клямкин полагает, что нынешние институты «способны лишь обеспечивать воспроизводство той самой властной монополии, которая только на коррумпированную бюрократию и может опираться» [8, с. 61]. Некоторые исследователи не исключают в результате определенного сценария развития ситуации в России внешнее ограничение государственного суверенитета страны и активное принуждение со стороны западных государств и международных акторов к проведению радикальных политико-экономических реформ. «Внешнее воздействие может создать стимулы к отказу от политических институтов неопатримониализма и открыть путь к их замене «инклюзивными» экономическими и политическими институтами» [17, с. 112]. Конечно, надежда умирает последней: хотелось бы, чтобы запуск механизма формирования порядка открытого доступа начался в ходе эндогенных процессов, как результат созревания условий, отработки элементов этого механизма, в числе которых свою роль может сыграть институциональное антидоверие. Время проектного творчества в этой сфере «еще только наступает» — согласимся с оптимистическими прогнозами И. Клямкина [8, с. 61].

В условиях вышеописанной «реальности» мечта любого правителя-автократа — высокий «рейтинг доверия» лично ему и тотальная лояльность народонаселения к властным структурам и их решениям как во внутренней, так и внешней политике. Способов добиться этого множество: закрытие альтернативных источников информации, лживая пропаганда в государственных СМИ, промывание мозгов о «засилье врагов» внутри и вне страны, квазипатриотический угар и т. д.

Если авторитарная власть жаждет лояльности (то есть полного к ней доверия электората), то сама в ответ выстраивает сети сплошного недоверия: в экономической сфере преследует (в уголовном порядке) предпринимателей за мелкие или сфабрикованные нарушения, в гражданской сфере наказывает за попытки мирного протеста, ужесточая (в нарушение Конституции) правила и условия проведения

протестных мероприятий. Ни о каком формировании доверия к такому типу власти речи быть не может. Как справедливо указывал еще в 19-м веке шотландский писатель Н. Дуглас: «Недоверие к власти должно быть первейшим гражданским долгом» (цит. по: [36, с. 40]). «Недоверие к носителям власти разных уровней совсем неэквивалентно так называемому голому отрицанию, — пишет А. Оболонский, — оно содержит огромный позитивный, конструктивный потенциал. Сегодня его квинтэссенция — стремление к выработке новой, сетевой, преимущественно горизонтальной системы отношений в обществе, между людьми и их объединениями» [36, с. 43]. В рамках этого процесса «России предстоит не одноэтапная смена системы, которая обеспечила бы устойчивый прогресс, а череда (через те или иные промежутки времени) новых либеральных попыток продвинуть общественное развитие вперед, и новых жестких попыток реставрации, регресса» [30, с. 7]. Справедливо отмечается, что возрождение доверия — трудный исторический путь развитых стран, по этой тернистой дороге «предстоит пройти и России — в той мере, в какой она видит свое будущее как свободная, современная и демократическая страна» [6, с. 54]. На этом пути много рисков, вариантов развития, в том числе выхода из «колеи циклов российской истории», перенаправления энергии протеста в «цивилизованное русло гражданской самоорганизации..., поэтапного преобразования правовых и политических институтов...» [45, с. 630–631].

В истории демократии известен «изошренный арсенал практических средств, сдержек и противовесов, формальных и неформальных ограничений, призванных компенсировать иссякающее доверие посредством организованного недоверия» [44, с. 14]. Именно феномен «организованного недоверия» образует смысл предлагаемого нами «институционального антидоверия» как постоянно действующего механизма с различающимися функциями для разных типов политических режимов: в демократическом общественном устройстве он защищает общество от перерождения государственных институтов в монопольные диктаторские структуры, в режимах авторитарного типа — помогает шаг за шагом отвоевывать пространство свободы и готовить переход к политико-экономическому порядку открытого доступа.

Взаимная динамика доверия и антидоверия может быть проиллюстрирована графически (см. рис.).

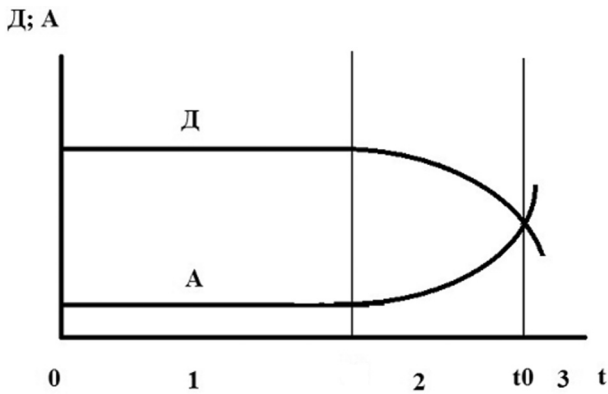

Рис. Динамика «доверия/антидоверия»
 Д — уровень условного доверия; А — уровень
 условного антидоверия; t — время

Зона 1 соответствует мнению Дж. Хоскинга: «известная толика недоверия к правительству действительно необходима» [57, с. 15]. Это «нормальная» зона: достаточное условное доверие (линия Д) поддерживается (а на самом деле — наблюдается, критикуется, обсуждается, корректируется) «необходимой толикой» антидоверия (линия А). В зоне 2 взаимообусловленные «А» и «Д» сближаются, сигнализируя о грядущей опасности. В точке t_0 линии пересекаются — свершается «переворот»: антидоверие перевешивает, доверие катастрофически падает. Тут тоже сошлемся на предупреждение: «главное — не допустить избытка недоверия, способного разрушить всю конструкцию демократической власти» [57, с. 16]. Надо сказать, что пространство «Д — А» — инвертированное, реципронное, ранговое: сначала необходимо построить институт антидоверия, затем лишь можно «конструировать», дополнять, усиливать доверие. Формировать условное доверие на пустом месте бессмысленно: оно или не создается, или рассыпается из-за отсутствия реального и эффективного института антидоверия.

4. Заключение. Принципы функционирования и развития института антидоверия

Цель нашего исследования не столь глобальна, как авторов теории институционального моделирования [42], заключается она всего лишь в поиске предпосылок построения институтов демократического общественного устройства. Одной из таких предпосылок является предлагаемый институт антидоверия, конструкция и функции которого должны соответствовать некоторым принципам, к числу которых можно отнести следующие.

1. Соответствие типу и историческому этапу эволюции общественного устройства страны.

2. Множественность и мультисубъектность, проявляющиеся в формировании и активизации дремлющих ныне ячеек гражданского общества (общественных организаций самозащиты, неправительственных фондов, клубов, кружков, семинаров, наблюдателей, правозащитников и т. п.). Эти ячейки, состоящие из инициативных граждан, в любой стране с нормальным общественным устройством являются основой для поддержки социальных новаций, сами весьма креативны и нацелены на массовый контроль деятельности институтов государства. В России все это еще в зародыше и предстоит большая работа по возрождению гражданского общества.

3. «Антихрупкость» и гиперрезистентность, проявляющиеся при стрессовых событиях в устойчивости и самовосстановлении с приростом функциональных возможностей. Это свойство (как принцип функционирования) связано со стратегической гибкостью и большими адаптационными возможностями всех субъектов гражданского общества благодаря получению и горизонтальному распространению знаний и опыта соприкосновения с сопротивляющимся «левиафаном».

4. Сетевая природа и мультипликационный эффект горизонтального распространения элементов предлагаемого механизма, необходимой информации, норм, решений, проектов и программ.

5. Наличие обратных связей, самоорганизация, нелинейный характер развития. Повышение динамической эффективности института антидоверия зависит от включения положительных обратных связей, а схема развития может быть представлена в качестве аналога схемы эволюционной стрессоустойчивости социально-экономических систем [5, с. 118].

6. Открытость, гласность и ответственность. В демократических странах с независимыми и свободными СМИ этот принцип не нуждается в защите, в иных случаях дело сложнее. Принцип институциональной ответственности [23] вполне уместен в системе принципов функционирования института антидоверия.

Таким образом, институт антидоверия — это устойчивый дополнительный демократический институт, главная функция которого — постоянный контроль, оценка и корректировка действий властных структур со стороны гражданского общества. Неявная, подразумеваемая цель этого института — формирование и поддержание условного доверия к государству и его структурам при подготовке и реализации

последними позитивных стратегий и эффективных программ социально-экономического развития страны и регионов. Институт антидоверия может стать самостоятельным креативным механизмом в системе демократических институтов (разделение и независимость вет-

вей власти, независимость суда, сменяемость и выборность, свобода СМИ и др.), работающим на преодоление глубочайшего экономического и политического кризиса, в который по ряду субъективных и объективных причин попала Россия в начале XXI века.

Список источников

1. Акерлоф Дж., Шиллер Р. *Spiritus Animalis*, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. — М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. — 273 с.
2. Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей (избранные статьи). — Бенсон (США): Изд-во Чалидзе, 1990. — 328 с.
3. Артемова Т. И. Экономика доверия как прообраз институциональной архитектоники // Экономическая теория. — 2010. — Т. 7. — № 3. — С. 60–68.
4. Балакишин М. Е. Доверие как основание развития деловых партнерских отношений: дис. ... канд. психол. наук. — М., 2011. — 240 с.
5. Балацкий Е. В. Концепция антихрупкости социальных систем и ее приложения // Общественные науки и современность. — 2015. — № 6. — С. 116–130.
6. Белянин А. В., Зинченко В. П. Доверие в экономике и общественной жизни. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. — 164 с.
7. Бомар Ф. Подразумеваемые знания. Интуиция против неопределенности. — Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2014. — 388 с.
8. Бюрократия как проблема. «Круглый стол ученых» // Общественные науки и современность. — 2012. — № 4. — С. 39–61.
9. Важенин С. Г., Сухих В. В. Оппортунизм и конструирование доверия в экономике // Журнал экономической теории, — 2013. — № 1. — С. 78–85.
10. Важенин С. Г., Сухих В. В. «Созидательное разрушение» в контексте конструирования доверия в экономике // Труды 6-го Всероссийского симпозиума по экономической теории. — Т. 1. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. — С. 33–35.
11. Важенин С. Г., Сухих В. В. Специфика доверия как конкурентной цели в экономике // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. — 2015. — Т. 14. — № 2. — С. 4–23.
12. Веблен Т. Теория делового предприятия. — М.: Дело, 2007. — 288 с.
13. Вершинин С. Е. Феномен недоверия в контексте постсоветского общества: к постановке проблемы // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. — 2001. — Вып. 2. — С. 58–72.
14. Вершинин С. Е. Социальное недоверие: парадигмы анализа, источники, функции (к постановке проблемы) // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. — 2007. — Вып. 7. — С. 61–74.
15. Веселов Ю. В. Доверие и справедливость: моральные основания современного экономического общества. — М.: Аспект Пресс, 2011. — 231 с.
16. Власов Ф., Стебаков А. Социальный капитал, его виды и противоречия // Общество и экономика. — 2016. — № 10. — С. 18–30.
17. Гельман В. Я. «Порочный круг» постсоветского неопатриархализма // Общественные науки и современность. — 2016. — № 1 — С. 103–116.
18. Горлицкий Й. Структуры доверия после Сталина // Неприкосновенный запас. — 2013. — № 6. — С. 136–154.
19. Гребенкин А. В. Влияние фактора времени на изменение экономических систем: обзор теоретических воззрений и постановка новых гипотез // Журнал экономической теории. — 2016. — № 4. — С. 224–233.
20. Гришин В. В. Рациональные и иррациональные аспекты социального доверия в ментальности россиян // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2010. — № 1. — С. 156–171.
21. Дементьев В. Е. Доверие — фактор функционирования и развития современной рыночной экономики // Российский экономический журнал. — 2004. — № 8. — С. 46–65.
22. Доброхотов Р. Доверие глазами экономистов и психологов (о книге А. В. Белянина и В. П. Зинченко «Доверие в экономике и общественной жизни») // Вопросы экономики. — 2011. — № 5. — С. 136–145.
23. Дорошенко С. В. Принцип целевой ответственности в основе институционализации отношений государства и предпринимательства // Журнал экономической теории. — 2015. — № 4. — С. 121–137.
24. Ерзкян Б. А. Институциональные факторы эволюции социальных порядков // Журнал экономической теории. — 2013. — № 4. — С. 69–86.
25. Заболотная Г. М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН. — Серия «Социология». — 2008. — № 1. — С. 67–73.
26. Ильин Е. П. Психология доверия. — СПб.: Питер, 2013. — 288 с.
27. Локке Р. М. Формирование доверия: препринт. — М.: ГУ ВШЭ, 2005. — 32 с.

28. Ляско А. Роль институтов доверия и контроля в неформальных денежных трансакциях // Вопросы экономики. — 2012. — № 6. — С. 48–64.
29. Мальцева А. П. Полноценное доверие: понятие, проблема, методика формирования // Власть. — 2014. — № 7. — С. 115–119.
30. Микульский К. Неадекватность социальной модели российского общества требованиям его позитивного развития // Общество и экономика. — 2014. — № 11. — С. 5–8.
31. Микульский К. Системные риски российского общества // Общество и экономика. — 2016. — № 1. — С. 4–7.
32. Минина В. Н. Организационное доверие как неосязаемый актив компании: проблема измерения // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия «Менеджмент». — 2012. — Вып. 2. — С. 107–130.
33. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. — М.: Изд. дом ГУ — ВШЭ, 2010. — 256 с.
34. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. — 480 с.
35. Оболонский А. В. Политическое недоверие как позитивный фактор // Вестник Института Кеннана в России. — 2012. — № 21. — С. 7–18.
36. Оболонский А. В. Гражданское недоверие к власти как предпосылка политического развития // Политическая концептология. — 2013. — № 3. — С. 34–44.
37. Олейник А. Н. Культура власти как элемент экономической культуры // Общественные науки и современность. — 2013. — № 2. — С. 107–122.
38. Ореховский П. Близость катастрофы (о книге Г. Павловского «Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля») // Вопросы экономики. — 2012. — № 2. — С. 146–150.
39. Орлова Е. В. Моделирование функции полезности с учетом иррациональных факторов // Науч.-техн. ведомости Санкт-Петерб. гос. политехн. ун-та. Экон. науки. — 2012. — № 3. — С. 24–30.
40. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. — М.: «Арена», 1993. — 320 с.
41. Погребняк А. А., Расков Д. Е. Экономика как культура: возвращение к спору о методах // Общественные науки и современность. — 2013. — № 2. — С. 96–106.
42. Попов Е. В. Принципы и идеи институционального моделирования // Труды 7-го Всероссийского симпозиума по экономической теории. — Т.1. — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2016. — С. 149–150.
43. Попов Е. В., Сухарев О. С. Институциональные факторы экономических изменений теории Дугласа Норта // Журнал экономической теории. — 2016. — № 3. — С. 117–133.
44. Розанваллон П. Контрдемократия: политика в эпоху недоверия // Неприкосновенный запас. — 2012. — № 4. — С. 11–30.
45. Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в 21 веке. — М.: РОССПЭН, 2011. — 735 с.
46. Селигмен А. Проблема доверия. — М.: Изд-во Идея-Пресс, 2002. — 254 с.
47. Сорокин Д. Е. Фактор доверия // Журнал экономической теории. — 2016. — № 3. — С. 133–138.
48. Сургуладзе В. Ш. Иррациональное начало человеческой деятельности: психологический и культурный факторы в экономике и прогнозировании // Проблемы национальной стратегии. — 2015. — № 6. — С. 242–247.
49. Сухарев О. С. Эволюционная экономика. — М.: Финансы и статистика, 2012. — 800 с.
50. Сухарев О. С. Назревшие изменения в макроэкономическом анализе // Экономический анализ: теория и практика. — 2014. — № 11. — С. 2–9.
51. Сухих В. В. Проблемы доверия к государству в российской экономике // Журнал экономической теории. — 2017. — № 2. — С. 173–176.
52. Талев Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. — 2-е изд., доп. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. — 736 с.
53. Талев Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. — 768 с.
54. Татаркин А., Сухих В., Важенин С. Государство в системе отношений доверия в экономике // Общество и экономика. — 2006. — № 10. — С. 155–172.
55. Теплова Т. В. Инвестиции. — М.: Юрайт, 2011. — 724 с.
56. Тихомиров А. «Режим принудительного доверия» в Советской России, 1917–1941 годы // Неприкосновенный запас. — 2013. — № 6. — С. 98–117.
57. «Тотальное доверие граждан государству столь же опасно, как и полнейшее недоверие к нему». Интервью с историком Дж. Хоскингом // Неприкосновенный запас. — 2014. — № 5. — С. 11–20.
58. Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — 448 с.
59. Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. — Москва; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2008. — 488 с.
60. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. — М.: АСТ, Ермак, 2004. — 730 с.
61. Хайек фон Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибка социализма. — М.: Изд-во «Новости», 1992. — 304 с.
62. Харчилава Х. Доверие и устойчивое развитие экономики // Капитал страны. Электронный журнал. — 19.10.2009.

63. *Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. — М.: Дело, 2003. — 464 с.
64. *Хоскинг Дж.* Экономика доверия // Неприкосновенный запас. — 2010. — № 5.
65. *Шорина И. Н.* Институциональное доверие как условие стабильности современного российского общества (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Пенза, 2013.
66. *Штомпка П.* Доверие: социологическая теория // Социологическое обозрение. — 2002. — № 3. — Т. 2. — С. 44–56.
67. *Штомпка П.* Доверие — основа общества. — М.: Логос, 2012. — 440 с.
68. *Штроо В. А., Балакишин М. Е.* Роль доверия в становлении и развитии успешных деловых партнерских отношений // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Психология». — 2015. — Т. 12. — С. 70–93.
69. *Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A.* Regulation and distrust // The Quarterly Journal of Economics. — August 2010. — Vol. 125. — No. 3. — P. 1015–1049.
70. *Bidner C., Francois P.* Cultivating trust: norms, institutions and the implications of scale // The Economic Journal. — September 2011. — Vol. 121. — No. 555. — P. 1097–1129.
71. *Bjørnskov C.* Combating Corruption: On the Interplay between Institutional Quality and Social Trust // The Journal of Law & Economics. — February 2011. — Vol. 54. — No. 1. — P. 135–159.
72. *Bjørnskov C., Svendsen G. T.* Does social trust determine the size of the welfare state? Evidence using historical identification // Public Choice. — October 2013. — Vol. 157. — No. 1/2. — P. 269–286.
73. *Braithwait J.* Institutionalizing Distrust, Enculturating Trust // Trust and Governance. — New York: Russel Sage Foundation, 1998. — P. 343–375.
74. *Dincer O. C., Uslaner E. M.* Trust and Growth // Public Choice. — Jan. 2010. — Vol. 142. — No. 1/2. — P. 59–67.
75. *Hosking G.* Trust: A History. — Oxford: Oxford University Press, 2014.
76. *Raiser M., Rousso A., Steves F., Teksoz U.* Trust in Transition: Cross-Country and Firm Evidence // Journal of Law, Economics, & Organization. — October 2008. — Vol. 24. — No. 2. — P. 407–433.
77. *Rosanvallon P.* Counter-Democracy: Politics in an Age of Distrust. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
78. *Stevenson B., Wolfers J.* Trust in Public Institutions over the Business Cycle // The American Economic Review. — May 2011. — Vol. 101. — No. 3. — P. 281–287.
79. *Yardeni E.* Stock Valuation Model // Equity Research. — 2002. — Vol. 9.